

Прилепин, Захар

Ботинки, полные горячей водкой

Утро началось с белым – после разлуки мы встретились в столице. У нас вышло по третьей книжке, и мы колобродили меж лотков, развалов, стендов, усилителей и микрофонов *ярмарки*, передвигаясь от одной закусочной ко второй.

– По пятьдесят? – предлагал я.

– По сто, – настаивал он.

– По пятьдесят и по пиву.

– Я не пью пива.

Он не пил пива.

– По сто и мне пива, – заказывал я.

К третьему кругу мы были плавны, как бутерброды, намазанные теплым сливочным маслом. С нас оплывало, мы облизывались, подобно псам, съевшим чужое.

Впрочем, Дениса был неизменно уверен, что всякий кус, доставшийся ему, заслужен им по праву.

Я, напротив, каждую минуту своей смешной жизни внутренне хохотал, восклицая: «Кто я? Откуда я взялся здесь? Зачем вы меня позвали? Вы все это всерьез?»

Любая полученная мной порция добра и радости казалась мне непомерно великой.

Денис, в свою очередь, смотрелся недовольным любой пайкой. Быть может, из нас стоило вылепить одного вменяемого человека. Хотя, с другой стороны, мне меня вполне хватало, а ему и себя было много.

Мы закусывали бутербродами с красной рыбой. Дениса недовольно морщился: рыба была неправильная, не красная и не рыба.

– Ты ведь себе нравишься? – спрашивал он, суживая свои и без того узкие, северные глаза, которые мутнели по мере опьянения, к вечеру превращаясь в натуральную хреновуху, хоть догоняйся ими.

– Ну, да! – отвечал я радостно. – Нравлюсь! А ты себе нет?

– В последнее время все меньше, – отвечал он, но в голосе его отчего-то чувствовалась далекая нотка неприязни не к себе, а ко мне.

Потом это ощущение проходило и мы отправлялись на новый круг. Я прихрамывал, на мне были новые, красивые ботинки, они натерли мои ноги.

Zachar Prilepin

Botky plné horké vodky

Ráno jsme začínali světle – po delším odloučení jsme se potkali v hlavním městě. Oběma nám zrovna vyšla třetí knížka a my volně bloudili mezi stánky, pulty, regály, mikrofony a zesilovači *veletrhu* a přesouvali jsme se od jedné osvěžovny ke druhé.

„Dáme si panáka?“ navrhl jsem.

„Ne, decáka,“ trval na svém on.

„Tak panáka a pivo.“

„Já pivo nepiju.“

On pivo nepil.

„Takže dvakrát decáka a mně pivo,“ objednal jsem.

Po třetím kole už jsme byli vláční jako obložené chlebíčky, namazané teplým máslem. To po nás stékalo a my se olizovali jako psi, kteří zrovna užrali z cizího. Ostatně Denis si byl naprosto jist, že každého sousta, které pozře, se mu dostalo po právu.

Já se naopak v každé vteřině svého směšného života v duchu chechtal a volal jsem: Kdo jsem? Kde se tu beru? Proč jste mě sem zavolali? A tohle všechno myslíte vážně?

Každá dávka dobra a radosti, jíž se dostalo tentokrát mně, mi připadala nezaslouženě velká.

To Denis naopak vždy vypadal se svým přídělem nespokojený. Možná by bývalo stálo za to uplácat z nás jednoho vcelku normálního člověka. I když na druhé straně, já sobě jsem vždy bohatě stačil, kdežto jeho pro sebe sama bylo pořád až moc.

K pití jsme přikusovali chlebičky s červeným lososem. Denis se nespokojeně šklíbil: ten losos nebyl v pořádku – nebyla to ryba a nebyla červená.

„Ty se přece sám sobě líbíš, ne?“ ptal se mě a přivíral beztak úzké severské oči, které zvyšujícím se stupněm opilosti kalněly a večer se měnily v řízný mok, jímž jste se mohli dorazit.

„No ano!“ jásal jsem. „Já se sobě líbím? Ty sobě ne?“

„Poslední dobou čím dál míň,“ odpovídal mi, jenže v do jeho hlasu se vkrádala notička nepřízně nikoli vůči sobě, nýbrž vůči mně.

Pak ten pocit pomíjel a my vyráželi do dalšího kola. Pokulhával jsem, protože jsem si vzal krásné nové polobotky a ty mě tlačily a dřely.